

Author: Belousov N. / Белоусов Н. М., УО БГСХА

Title: Rain in a desert / Эссе «Дождь в пустыне»

Никогда всерьёз не задумывался над тем, кем я стану. Наслаждался беззаботной жизнью и, купаясь в родительском тепле, по-прежнему принимал материнскую заботу. В этом бескрайнем море любви не понимал только слова отца: «Материнская любовь, – сказал он, глядя на мою беспечность, – достаётся даром, а вот отцовскую надо ещё заслужить». Но и это напутствие казалось мне незамысловатым воспитательным моментом, простыми словами, брошенными отцом сгоряча. И только будучи студентом, я стал понимать всю значимость отцовского наказа.

Первые годы студенческой жизни прошли по-особенному: свобода, непринуждённость и самостоятельность лепили из меня подобие человека. Возможно, я бы и остался с мировоззрением современной молодёжи, сводившимся к разговорам о «лёгких деньгах», славе, раскрепощённости и доступности всего желаемого, если бы не случай, заставивший переоценить ценности жизни.

В тот летний вечер я возвращался домой. Маршрутка в направлении Минск – Горки отправилась от станции метро «Борисовский тракт». Ничего не предвещало необычного, однако вскоре на магистрали образовалась автомобильная пробка. Передвигаясь небольшими наездами, газель остановилась, и видимость из бокового окна повергла меня в шок.

В двух метрах от маршрутки во фронтальном столкновении пыхтели многотонные машины: стрела подъёмного крана впивалась в кабину авторефрижератора. Из кабины свисало тело мужчины: его предплечье было разрезано вонзившейся жостью, из этой раны на колесо сочилась кровь и, скапливаясь в одну вязкую струю, источала вниз, образуя у колеса небольшую лужицу.

Вскоре донёсся изнуряющий звук сирены, толпа зевак расступилась, и к бездыханному телу подбежали врачи бригады скорой помощи.

– Ну, вот и подмога подоспела, – сказал пассажир, присматриваясь к действиям медиков. – Молодцы, профессионально работают!

– А вы тоже врач? – поинтересовалась у него пассажирка.

– Ну, я бы сказал по-другому, – отозвался мужчина: – Имею к этому прямое отношение.

– Интересно, – возмутилась женщина, – а как же клятва Гиппократы?!

– Я клятву Гиппократы не давал, – обиженно произнёс мужчина. – Но, если вам интересно, могу рассказать, почему я обратил внимание на медицинский профессионализм.

– Валяй, мужик! – донеслось сзади. – Всё равно в пробке стоим.

Помолчав, словно собираясь с мыслями, попутчик развязал рассказ:

– Родом я из деревни Илья, что в Вилейском районе. В нашей семье медиков не было, – заявил рассказчик, – поэтому я в этом смысле стал перво-

проходцем. После школы, – продолжал он, – подался в Витебский медицинский институт на лечебный факультет. Считалось, что там готовили медиков для работы на селе. Учиться мне нравилось, я будто в свою стихию попал, но до конца не доучился – болезнь покромсала все мои мечты, – сказал он и тотчас замолчал.

В следующее мгновение газель взвыла и двинулась с места. «Интересно, а у человеческой жизни есть цена? – подумал я. – Если она бесценна, то почему её так легко потерять?»

– Но в своей жизни, – продолжил рассказчик, – я знал человека, которого могу назвать идеалом врача, – это Ржеусский Пётр Степанович. Может, кто-то его знает? – поинтересовался он у попутчиков. Все промолчали. – Так вот, чтоб вы поняли, какой это был врач, расскажу, как он спас ребёнка. Дело было зимой, – подметил он. – В деревне Вередово, что в семнадцати километрах от Молодечно, трёхлетняя Эмма Якубович упала в чугунок с кипятком. «Скорая» до деревни не доехала – застряла в снегу. На санях девочку довели до «скорой», но она уже не подавала признаков жизни: много времени прошло, – уточнил он. – Когда малышку привезли, сестра из приёмного покоя сказала, что ребёнка надо отнести в морг. Пока она искала затерявшиеся ключи, в дверях появился Ржеусский. Он в тот вечер заступил на ночное дежурство. Надо сказать – повезло! Пока медсестра тушевалась по больнице в поисках ключей, Ржеусский осмотрел ошпаренную от стоп до подмышек девочку. Пульс, сердцебиение и дыхание не прослушивались. Тогда Пётр Степанович поднёс к носику тоненькие ворсинки ваты, и те слабо зашевелились. Ржеусский мгновенно начал реанимационные действия – появился пульс, ребёнок тотчас закричал. Вызвали педиатра и перешли в операционную.

– Вы это сами видели? – съехидничала женщина.

– Это видели другие, – отметил рассказчик. – Я только передаю глубину человеческой души и истинную преданность своей профессии, которую вы, – обратился он к язвительной особе, – называете клятвой Гиппократа.

– Девчонка выжила? – спросил кто-то сзади.

– Выжила, – ответил мужчина. – Но с каким трудом пришлось выхаживать ребёнка, – продолжил он: – Во время хирургической обработки ожоговой поверхности Ржеусский убирал лоскуты кожи вместе с соломой, что была на санях. Всё это время он, как позже рассказывали ассистирующие врачи, думал, как согреть ребёнка, обезболить раны, защитить их от последующего нагноения. Решение нашлось: Ржеусский замочил большие марлевые салфетки в однопроцентном растворе новокаина, на сто граммов которого добавил минимум пенициллина и стрептомицина. Отдельно такие же салфетки опустил в стерильное вазелиновое масло. И прямо на обработанные раны наложил сначала одни салфетки, потом другие, затем обернул клеёнкой, а сверху обмотал толстым слоем ваты и бинта. У постели ребёнка установил индивидуальный сестринский пост, – вздохнул он. – И, перевязывая девочку через каждые 4–6 дней, видел, что под этим многослойным компрессом идёт эпителизация ожога, кожа становится розовой и чистой.

И тут в моём сознании что-то перевернулось. «Даже представить себе сложно, – вздрогнул я, – если бы такое случилось со мной».

– Через полтора месяца, – продолжил рассказчик, – на теле девочки оставалось только пантероподобная пигментация, но уже не было ни одного рубца. Вскоре Эмму выписали из больницы. Это случилось в 1963 году, – добавил он, – когда ожоговый центр ещё не создали, искусственную кожу не изобрели и такого арсенала лекарственных средств, как сегодня, не имели. Это был истинный человеческий героизм, – подчеркнул он.

– Право на жизнь должен иметь каждый человек, – вдохнула женщина, – даже такая кроха, как трёхлетняя Эмма.

– По сути, врач провёл медико-биологический эксперимент на человеке, – отозвался кто-то сзади.

– Вы правы, – ответил рассказчик. – Об этом случае узнали в республиканском хирургическом обществе и попросили привезти девочку на заседание Президиума. Вызвали и Ржеусского, – добавил он, – ему аплодировали стоя: Bravo Ржеусскому! Он сделал термостат для инфекции, но наполнил его ядом для неё. Bravo! – рукоплескало всё медицинское сообщество.

– А как вы относитесь к эвтаназии, абортам, стерилизации? – спросил кто-то сзади.

– Трудно сказать однозначно, – задумался мужчина. – Но такие права у человека должны быть. Хотя бы потому, что есть генетические болезни и носители этой информации не должны передавать её из поколения в поколение.

– Аборты здоровым женщинам я бы запретил, – категорично заявил кто-то сзади. – Не сошлись характерами, разлюбил – это не причина лишать жизни человека, возможно, зачатую гениальную личность.

– Поддерживаю вас, – отозвалась женщина.

– Я против эвтаназии, – внезапно вырвалось у меня.

– Нет, мой дружок, – прервал меня мужчина. – Право на достойный уход из жизни у человека должно быть. К сожалению, в медицинской практике есть случаи, когда жизнь человеку приносит только мучительные страдания.

– О чём вы спорите? – выкрикнул кто-то сзади. – В Беларуси эвтаназия запрещена законом. Если её разрешить, обязательно появятся благодетели, которые будут этим злоупотреблять.

В одночасье всё, что происходило до этого случая, показалось мне каким-то потешным. Я посмотрел на свои руки и подумал, что они мне даны для чего-то важного. Моя специальность «Защита растений и карантин» отдалённо напоминает профессию врача, ведь растения – это тоже живые организмы, требующие тепла, заботы и внимания. По сути, я тоже верен клятве Гиппократы, только в отношении других живых организмов – растений. И тут я понял, что хочу быть нужным людям, как долгожданный дождь в опалённой солнцем пустыне.